

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

А.С. Янушкевич

**ПИСЬМА В.А. ЖУКОВСКОГО
К ЦАРСТВЕННЫМ ОСОБАМ КАК ФЕНОМЕН
РУССКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ¹**

Диалог писателя с властью – одна из самых острых тем русской культуры. Формы этого диалога приобретали самый различный характер в зависимости от обстоятельств и характера адресата. Это и стихотворные обращения, например ода «Фелица» Державина и послание «Императору Александру» Жуковского, и публицистические тексты, типа «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание» и «К сочинителю “Былей и небылиц” от сочинителя вопросов» Д.И. Фонвизина, и прямые воззвания, достаточно назвать «Не могу молчать!» Льва Толстого, и попытки разъяснить свою позицию, что проявилось в письмах к Сталину М. Булгакова, Е. Замятина, Б. Пастернака и др. Систематизация этого материала и его осмысление еще ждут своих исследователей.

Но можно со всей уверенностью говорить о том, что письма Жуковского к царственным особам – уникальный случай такого диалога в течение почти 30 лет, диалога, вобравшего в себя важнейшие события русской и европейской истории от декабристского восстания 14 декабря 1825 г. до революции 1848 г. В орбите этого диалога не только исторические события, но и важнейшие факты развития культуры, судьбы ее замечательных деятелей от Карамзина, Пушкина и Гоголя до Карла Брюллова и Александра Иванова. Наконец, принципиально важно, что письма Жуковского – это его поведенческий текст, так как в них он не только анализирует события и рассказывает о происходящем, но и выступает в защиту гонимых, униженных, несправедливо обвиненных. И в этом смысле он поистине был «ангелом-хранителем русской культуры», «рыцарем на поле словесности и нравственности»².

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 13-04-00141).

² Батюшков К.Н. Из письма П.А. Вяземскому от второй половины марта 1815 г. // Батюшков К.Н. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 325.

Говоря об историографической основе этих писем, констатируем, во-первых, отсутствие их систематизированного свода в дореволюционных изданиях¹; во-вторых, полное игнорирование их в после-революционных изданиях сочинений Жуковского. Наконец, далеко не полное их архивное описание и как следствие – возможность последующих разысканий. Все это не позволяло рассмотреть их комплексно как единый текст русской словесной культуры и общественной мысли.

Прежде всего заметим, что, говоря о письмах Жуковского к царственным особам, в первую очередь мы имеем в виду представителей царской семьи: императора Николая I, императрицу Александру Федоровну и их детей, великих князей Александра, Константина и Михаила Николаевичей, великую княжну Марию Николаевну. Известны и требуют специального разговора письма Жуковского к императрице Марии Федоровне, великой княгине, герцогине Саксен-Веймар-Эйзенах Марии Павловне, королю прусскому Фридриху-Вильгельму IV, принцессе прусской Луизе. Но именно письма Жуковского к членам царской семьи в наибольшей степени выявляют характер диалога поэта с властью, то, что так точно и лаконично определил Пушкин, говоря о послании Жуковского «Императору Александру»: «Вот как русский поэт говорит русскому царю»².

Фактографическая основа комплексного исследования этого материала следующая: на сегодняшний день выявлено 229 писем, из них 27 – императору Николаю I, 60 – императрице Александре Федоровне, 110 – великому князю Александру Николаевичу (будущему императору Александру II), 20 – великому князю Константину Николаевичу, 9 – великой княжне Марии Николаевне, 3 – великому князю Михаилу Николаевичу.

Разумеется, статус, возраст адресата, его место в жизни поэта диктовали определенные нарративные стратегии и правила поведения. Если в письмах императору преобладал тон официального обращения и ходатая-просителя, в письмах к императрице ощутима атмосфера дружеского общения и теплых воспоминаний, то в пись-

¹ В ПСС, С 6 и С 7 и журналах РА и РС публиковались отдельные письма, чаще всего в отрывках. Наиболее полный свод писем к Николаю I и императрице Александре Федоровне содержится в сборнике «Памяти Жуковского и Гоголя» (Вып. 1. СПб., 1907. С. 132–137).

² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 8. С. 179.

мах к их детям (старшему из которых великому князю Александру Николаевичу было на год смерти Жуковского 34 года, а младшему Михаилу Николаевичу – всего 20) чувствуется прежде всего позиция наставника, воспитателя, мудрого учителя. Важно подчеркнуть, что само положение поэта при дворе (сначала учитель русского языка великой княгини Александры Федоровны, затем наставник великого князя, наследника), его проживание в течение 13 лет (с 1827-го по 1840-й) в Шепелевском доме, непосредственно примыкающем к Зимнему дворцу, что определяло практически ежедневные встречи с членами царского семейства, путешествия в их свите, наконец, возможность эпистолярного общения, – все это рождало почти родственные отношения Жуковского с царским домом, делало его членом семейства, развивало его концепцию «домашнего самодержавия».

Но одновременно в этом крылась драма поэта и мыслителя, остро чувствовавшего положение придворного, несправедливость по отношению к себе, знавшего непонаслышке будни и изнанку дворцовой жизни. Тем интереснее понять, как ему удалось в этих условиях сохранить свое человеческое достоинство и превратить свои придворные обязанности в подвиг гражданского служения. П.А. Вяземский, не одобрявший в 1820-е гг. придворной деятельности Жуковского, в 1867 г., публикуя письма поэта к великому князю Константину Николаевичу, констатирует: «...настоящие письма вносят новые сокровища в литературу нашу и новый свет в область нашего гражданского быта»¹. И завершает свою вступительную заметку восклицанием: «Скажем и мы: дай Бог для блага России поболее таких царедворцев, каковы были Карамзин и Жуковский!»² Появление в одном ряду Карамзина и Жуковского символично. Во-первых, известны письма Карамзина к императору Александру I и членам его семейства. Во-вторых, роль, которую Карамзин сыграл как историк и идеолог в александровскую эпоху, вполне сопоставима с ролью Жуковского в николаевское царствование³.

И все-таки справедливости ради надо заметить, письма Карамзина к членам царской семьи не носили регулярного характера и были достаточно случайны, что лишает их системности. Письма Жуковского уникальны именно потому, что на протяжении 30 лет их автор

¹ РА. 1867. Стб. 1387.

² Там же.

³ Об этом подробнее см.: *Гузаиров Т.* Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007.

был летописцем русской общественной и культурной жизни, воссоздавая в рамках эпистолярного дискурса диалог поэта с властью.

Если исходить из содержания этих писем, можно предложить их следующую классификацию:

- 1) письма общественно-политического характера;
- 2) письма историософского содержания;
- 3) письма эстетической проблематики;
- 4) письма в жанре «политической педагогики»;
- 5) письма-ходатайства о помощи «униженным и оскорбленным»;
- 6) письма личного характера с просьбами о материальном обеспечении себя и своего семейства.

Разумеется, вряд ли можно говорить о «чистоте жанра», так как письма, нередко писавшиеся в течение длительного времени, уже в процессе сотворения включали новые сюжеты и новые впечатления, что расширяло их содержание и меняло первоначальную направленность, но все-таки их основной пафос отвечал предложенной классификации.

1

Письма общественно-политического характера прежде всего обращены к императору Николаю I. Это по праву были документы русской общественной мысли, так как в центре их – острейшие вопросы эпохи: проблемы цензуры, литературной борьбы, шпионства и надзора, милосердия к униженным и сосланным, национального гения и его судьбы. Три сюжета: история с запрещением журнала «Европеец», судьба декабристов, гибель Пушкина – определяют содержание этих эпистолярных материалов. Первые два сюжета хронологически соотносятся друг с другом и отражают общественную позицию Жуковского 1827–1832 гг., времени духовного и творческого кризиса и одновременно апогея гражданского самосознания поэта, которого одни называли «царедворцем», другие чуть ли не главой какой-то партии и оппозиции, либералом. В 1827 г. Жуковский заканчивает работу над «Запиской о Н.И. Тургеневе», выступая в защиту одного из идеологов декабризма; в конце 1828 г. он обращается к императору с просьбой о спасении честного имени оболганного Вяземского, в феврале-марте 1830 г. набрасывает записку об амнистии декабристов и изменении их участи, 30 марта этого же года пишет письмо с просьбой о личной встрече для объяснения

своей позиции в литературной борьбе, 1 апреля состоялась эта аудиенция, которую сам Жуковский определил как «род голово-мойки»¹, в феврале 1832 г. он встает на защиту «Европейца», его редактора И.В. Киреевского и своего человеческого достоинства. В течение пятилетия Жуковский поистине совершает «подвиг честного человека»: он настойчиво, несмотря на все препятствия, формирует в сознании молодого императора необходимость милосердия и законности. На обложке «Пространной грамматики» Н.И. Греча (Ч. 4. СПб., 1822) нам удалось обнаружить фрагмент «Воображаемого разговора с Николаем I».

Я бы сказал государю, – пишет поэт, – если тебя не спасет твоя любовь к народу и твое царствование, то надзор и усиленное шпионство еще менее спасут. Каков будет отец, если для созерцания за <истовостью> детей своих он будет портить другого – тех не сбережет, а других погубит. Будь отец, будут и дети. Ты же государь. Шпионство есть язва народа, губящая право. А государю не <честит> и льстит, но волнует его и наводит на думы. В Англии за открытие письма вешают².

Эта запись связана с историей перлюстрации писем Жуковского к А.И. Тургеневу и нашла свое развитие в письме к нему от 4 (17) декабря 1827 г., где выражена резче и концептуальнее.

«Это бесит! – восклицает автор письма и продолжает: «Как же хотят уважения к законам в честных людях, когда правительства все незаконное себе позволяют? Я уверен, что самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства. В той семье не будет беспорядка, где поведение родителей образец нравственности; то же можно сказать и о правительствах и народах».

Характерными словами он завершает свою инвективу: «Все это для тех, кто рассудит за благо прочитать это письмо»³, подчеркивая публичный характер своих рассуждений.

¹ Подробнее см.: *Самовер Н.В.* «Не могу покорить себя ни Булгариним, ни даже Бенкендорфу...»: Диалог В.А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица: биогр. альм., М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 87–119.

² Об этом см.: *Янушкевич А.С.* Круг чтения В.А. Жуковского 1820–1830-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 471.

³ ПЖТ. С. 233.

Диалог с царем Жуковский ведет на равных. Он не оправдывается и не просит прощения, а пытается разъяснить свою позицию, защитить невинных и оболганных. Свой разговор с Николаем I первого апреля 1830 г., своеобразный постскрипtum к письму от 30 марта, он завершает словами: «Я, с своей стороны, буду продолжать жить, как я жил. Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый – моя совесть, моя верность к Государю»¹. В каждом из писем Жуковский дает урок царю. Для него главное ценность каждого частного человека, его право на внутреннюю свободу. 1 ноября 1827 г. после разговора с Д.В. Дашковым, который утверждал, что «нельзя жертвовать общественным благом частному, хотя бы оно было основано и на несправедливости. Не должно правительству признаваться в несправедливости, оказанной им лицу частному», Жуковский решительно заявляет:

Это правило вредное. Надобно, чтобы правительство признавало выше всего справедливость. Благо общее, ничем не определенное, существующее в идее, более или менее несправедливое, может ли быть предпочтено справедливости частной, определенному, верному»².

В этом разговоре речь шла о судьбе Николая Тургенева, о возможности его возвращения в Россию, суда над ним.

Жуковский – очевидец и летописец восстания на Сенатской площади, осудивший его как бунт против власти, через пять лет начинает последовательную борьбу за справедливость по отношению к сосланным в Сибирь, лишенным гражданства. В атмосфере напряженного диалога с императором о Николае Тургеневе, Вяземском, своем месте в литературной борьбе Жуковский решается в самом начале 1830 г. написать ему письмо, где рефреном звучат слова: «Произнесите амнистию».

Государь! Время строгости для них миновало! Время милости наступило! Пришла пора залечить те раны, которые в стольких сердцах болят и вечно болеть не перестанут. Государь! *Произнесите амнистию!*³ –

так уже в самом начале письма Жуковский не побоялся сказать то, о чем другие даже боялись подумать. Он пытается объяснить про-

¹ ПССиП. Т. 13. С. 314.

² Там же. С. 297.

³ *Дубровин Н.Ф.* Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // РС. 1902. № 4. С. 74.

изошедшее как «плод заблуждения», «произведенного и духом времени, под влиянием которого образовалась их молодость, и войнами, в которые столько пылких, неопытных, невозмужалых умов столкнулись с идеями неуспокоенной Европы, и, смею сказать, самим государем Александром [в черновом варианте: «и особенно самим государем Александром»], который с благими намерениями возбудил столько свободных идей и не дал им надлежащего направления»¹. По всей вероятности, письмо это Жуковский подать не решился, но подробный проект амнистии жил в его сознании до 1837 г., когда во время путешествия с наследником по России он провоцирует его после посещения ссыльных в Кургане и Тобольске написать письмо отцу. Известен черновой набросок письма Жуковского императору Николаю I от 8 июня 1837 г. из Златоуста², который, вероятно, послужил толчком для написания великим князем в тот же день письма, ставшего стимулом для облегчения участи некоторых декабристов. 25 июня из Симбирска великий князь сообщает:

Вчера <...> получил я письмо Твое, милый бесценный Папа, от 18-го числа, ответ на мое златоустовское. Не могу выразить Тебе, милый Папа, как согласие Твое на облегчение судьбы виденных мною преступников в Сибири меня обрадовало. Это будет всю жизнь мне приятным воспоминанием моего любопытного путешествия»³.

Жуковский в своем письме из Златоуста особенно подчеркивал, что облегчение участи осужденных – это «акт, в котором выразится самодержавие во всей свойственной ему красоте и силе, ознаменует первое посещение Сибири сыном царским. Пускай в то же время скажут по всей России: Государь показал нам своего сына ангелом радости»⁴. Сообщение о милости Государя Жуковский лаконично, но эмоционально отметил записью в дневнике:

Июня 23, вторник. Переезд из Казани в Симбирск. <...> Тут мы под липками остановились и поздравили друг друга с благостию Государя»⁵.

¹ Дубровин Н.Ф. Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам. С. 75.

² См.: Там же. С. 99–103.

³ Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 73.

⁴ РС. 1902. № 4. С. 101.

⁵ ПССиП. Т. 14. С. 61.

Жуковскому было непросто добиваться желаемого результата. Ходатайства о справедливом суде над Николаем Тургеневым, о спасении «Европейца» не дали положительного решения. Но настойчивость и решительность помогли ему получить прощение Вяземского, облегчить участь сосланных декабристов, помочь братьям Тургеневым и Ивану Киреевскому. Можно без преувеличения сказать, что царь прислушивался к суждениям воспитателя своего сына, потому что, несмотря на все обвинения в его адрес и многочисленные выступления в защиту провинившихся, Николай I не только не отстранил его от должности, но и предложил ему заняться обучением и воспитанием следующего своего сына – великого князя Константина Николаевича.

Показательны в этом отношении эпистолярные материалы, связанные с историей гибели Пушкина. Они неоднократно становились объектом пристального внимания историков литературы и в особенности пушкинистов. Акцентируем в связи с заявленной темой несколько моментов. Во-первых, довольно резкое письмо Жуковского к Бенкендорфу, которое очевидно было известно императору, имело своим подтекстом обвинения в адрес власти вообще, в том числе и Николая I. Это почувствовал Александр Тургенев, который записал в дневнике:

Жуковский читал нам свое письмо к Бенкендорфу о Пушкине и о поведении с ним государя и Бенкендорфа. Критическое расследование действия жандармства¹.

Во-вторых, несмотря на это, Жуковский в течение февраля – апреля 1837 г. постоянно обращается к императору с просьбами о захоронении Пушкина в Михайловском, о материальной помощи семейству, об издании посмертных сочинений поэта, о разборе его бумаг, об облегчении цензурования его произведений и т.д. Все эти просьбы были удовлетворены.

Поэт не боится выступать наставником царя. Обнаруженное недавно в архиве его письмо к Николаю I от 3 февраля 1836 г., связанное с пожаром в петербургском Лемановом балагане и приведшее к большому количеству жертв, в этом отношении характерный образец «урока царю».

¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 219.

Государь, простите мою дерзость, – пишет Жуковский. – Осмеливаюсь представить на Ваше благорассмотрение мысль мою прямо от себя, потому что время не терпит. Вчерашнее бедствие поразило народ. Прикажите на месте, где оно случилось, отслужить всенародно панихиду. Теперь нужно что-нибудь успокаивающее взволнованные умы. Пускай обнаружится Ваше повеление, что забавы масленицы останавливаются на три дня. Последние дни от этого выиграют; а мрачное впечатление изгладится при голосе церкви и Вашем. Позвольте мне написать эту бумагу. *Жуковский*¹.

Письма Жуковского к Николаю I – это памятник русской словесной культуры и одновременно документ общественной мысли. Но это и поведенческий текст, так как позволяет увидеть чувство собственного достоинства и мужество гражданина, не просто вступившего в диалог с властью, но и сумевшего доказать свое право быть представителем образованного общества, защитником интересов нарождающейся русской интеллигенции. Конечно, у Жуковского было больше возможностей для такого диалога, чем у других его современников, но он и воспользовался ими сполна. Как справедливо заметил ему Вяземский:

У тебя тройным булатом грудь вооружена, когда нужно идти грудью на приступ для доброго дела².

2

Жуковский всегда придавал особое значение истории для воспитания царственных особ. «Проект плана учения государя в <еликого> кн <язя> Наследника Цесаревича», составленный в 1827 г. для представления императору, он насыщает многочисленными курсами истории, в том числе священной истории, истории человека, русской истории, предлагая себя для преподавания двух последних. Круг его исторического чтения, конспекты и специальные исторические таблицы – свидетельство серьезности и основательности подхода к этой сфере образования наследника³. В 1829 г. для журнала «Собира-

¹ Подробнее см.: *Жуковский: Исследования и материалы*. Томск, 2010. Вып. 1. С. 55–56.

² РА. 1900. № 3. Стб. 3852.

³ Подробнее см.: *Краевский А.А.* Об исторических таблицах В.А. Жуковского // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Т. 10. Февр.; *Канунова Ф.З.* Русская история в чтении и исследованиях В.А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 400–465; *Гузаиров Т.* Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. С. 43–57.

тель», своеобразного журнала одного автора, Жуковский пишет статью «Польза истории для государей», которая начинается характерными словами:

Сокровище просвещения царского есть История, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною его наукою¹.

Эта стратегическая установка педагогической деятельности Жуковского определяет историософский пласт его писем к царственным особам, прежде всего к представителям молодого поколения великих князей.

Уже в первом письме к великому князю Александру Николаевичу от 1 января 1828 г., посланном по случаю начала обучения наследника, Жуковский комментирует свой подарок – картину с изображением отрока Александра Невского на фоне пейзажа с восходящим солнцем, в момент его молитвы.

Александр Невский, – пишет Жуковский, – жил для блага современников, Александр Невский жив и для блага потомков, ибо мы, его потомки, и по прошествии нескольких веков, с благодарностью подходим к его гробу. *Пример* добрых дел есть лучшее, что мы можем даровать тем, кто живет *вместе* с нами; *память* добрых дел есть лучшее, что можем оставить тем, кто будет жить *после* нас².

Концепция героя-человека, примера и памяти «добрых дел» не была еще воспринята юным цесаревичем, и в своем сочинении об Александре Невском, написанном в октябре 1831 г., он его трактовал в «традиционном военно-героическо-христианском ключе»³, но в письмах к великим князьям Жуковский был настойчив в отстаивании своего взгляда на историческую миссию монарха и последовательно внедрял ее в сознание своих учеников. Он не просто обогащал их историческими знаниями, прививал вкус к истории, но и воспитывал историей. Его историософия была по сути и природе своей именно «историей человека». Ее антропологический и гуманистический пафос бросал отсвет на все эпистолярные послания к молодым царственным особам.

¹ ПСС. Т. 10. С. 23.

² С 8. Т. 6. С. 376.

³ *Гузаиров Т.* Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. С. 53.

В одном из программных своих писем к цесаревичу от 1 января 1833 г., отрывок из которого был опубликован в 1835 г. под заглавием «Две Всемирные Истории: Отрывок письма из Швейцарии»¹, Жуковский развивает идеи своей «горной философии». Эта философия неотделима от историософии, так как в центре ее – размышление о природе и смысле человеческой деятельности, о нравственном смысле истории, о границах человеческой воли и роли Предопределения в жизни.

«...Никто не имеет права жертвовать будущему настоящим и нарушать верную справедливость для неверного возможного блага».

«Для человека довольно собственной деятельности и без дерзкого присвоения той, которая не принадлежит ему».

«Не толкай горы с места, но и не стой перед нею, когда она падает: в первом случае сам *произведешь* разрушение; в последнем не *отвратишь* разрушения, в обоих же неминуемо погибнешь».

«...Человек создан не для тихой счастливой, а для деятельной нравственной жизни; он должен завоевывать свое достоинство, должен пробиваться к *добру* сквозь страсти и неразлучные с ними заблуждения и бедствия»² –

все эти максимы русского романтика конструировали особый тип историософского мышления, его связь с натурфилософией и религиозной этикой. «Одним словом, живи и давай жить; а паче всего блюди Божию правду!...»³ – такова итоговая мысль письма Жуковского и его «горной философии». Для пятнадцатилетнего цесаревича Жуковский превращался в наставника, который последовательно внушал ему идею нравственного смысла истории. Отрывок из письма мог быть напечатан только с разрешения адресата или его царственных родителей. То, что Жуковский его получил почти сразу же после возвращения из-за границы, свидетельствовало о понимании ими актуальности затронутых в нем проблем.

При всей неоднозначности своего отношения к деятельности Петра I Жуковский после посещения его Сардамского домика в апреле 1839 г. и написания стихотворения, посвященного этому собы-

¹ Библиотека для чтения. 1835. Т. 9, ч. 2. Апр. С. 168–176. Подробнее о месте и значении этого письма для русской культуры см.: Янушкевич А.С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев) // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 133–161.

² С 7. Т. 6. С. 497–499.

³ Там же. С. 500.

тию, сначала в письме императрице Александре Федоровне, а затем великому князю Константину Николаевичу передает не только чувство гордости за Россию, особого значения той минуты, когда «правнук Петра пришел на поклонение освященному им месту», но и особенно подчеркивает уже без упоминания царственного предка благодарность царю-созидателю, представителю «зидующей силы» за его «добрые дела».

Самое радостное, самое бескорыстное чувство, возвеличивающее человеческое сердце, – пишет поэт, – есть благодарность царю созидателю, прославителю или миротворцу своего века, утвердителю блага в настоящем и приготовителю большего блага в будущем¹.

Показательны в этом отношении и два письма, посвященные Бородинской годовщине 1839 г. Первое от 28 августа адресовано великому князю Александру Николаевичу и является своеобразным прощанием с «государственным делом» по обучению и воспитанию наследника. Но, описывая Бородинский праздник, которому Жуковский посвятит стихотворение, он не забывает дать своему ученику наставление, в котором главное – память об истории и ее героях.

Одним из самых привлекательных эпизодов этой чудной картины, – рассказывает он, – были израненные, безрукие и безногие, иные покрытые лохмотьями бедности, Бородинские инвалиды, которые сидели на подножии памятника или, положив подле себя свои костыли, отдыхали на гробе Багратиона. Некоторые бедняки притащились издалека: кто пешком, кто на телеге, чтобы увидеть царя на своем празднике Бородинского боя. Признаюсь вам, мне было жестоко больно, что ни одного из этих главных героев дня я после не встретил за нашим обедом. Они, почетные гости этого пира, были забыты, воротятся с горем на душе восвояси, и что скажет каждый в стороне своей о сделанном им приеме, они, которые надеялись принести в свои бедные дома воспоминание сладкое, богатый запас для рассказов, и детям и внукам?²

И далее поэт предлагает целую программу благодеяний героям Бородина: жалованья, медали, милосердие по отношению к их детям, понесшим наказание за участие в восстании 14 декабря. Завершается этот проект Жуковского следующими характерными словами:

¹ С 7. Т. 6. С. 350.

² С 8. Т. 6. С. 402.

Делайте из письма моего, что хотите: если найдете нужным, покажите его государю императору. Я знаю, что он, хотя бы и не согласен со мною, одобрит тот язык, которым говорю с вами ¹.

Эта приписка принципиальна: Жуковский обращает пафос своего письма не только к сыну, но и к отцу и тем самым превращает его в «урок царям».

Второе письмо, посвященное этому же событию, написано 5 сентября и адресовано великой княгине Марии Николаевне. Отрывок из этого письма с ее разрешения был напечатан вместе со стихотворением «Бородинская годовщина» в журнале «Современник» (1839. Т. 16. С. 193) и тем самым приобрел публичный характер. Это письмо, рассчитанное на прочтение всей царской семьей, напоминает отчет. Но Жуковский раскрывает связь времен, выступает как очевидец Бородинского боя. Не без гордости говорит он о том, что «накануне в армии многие повторяли моего “Певца во стане русских воинов, песню-современницу Бородинской битвы”». И резюмирует:

Признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца. Жить в памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здешней жизни ².

Эти слова – продолжение и развитие общей концепции «добрых дел» в этом мире и жизни «в памяти людей» – напоминание о своей программе уважения к защитникам Отечества, изложенной в письме к цесаревичу. В статье «Полезность истории для государей» Жуковский писал: «Уважай народ свой: тогда он делается достойным уважения. Люби народ свой: без любви царя к народу нет любви народа к царю»³. Письма о Бородинской годовщине, обращенные к царственным особам, превратились в историософский трактат о роли народа в истории, уважении и любви монарха к защитникам Отечества.

Проблематика писем Жуковского к царственным особам, касающаяся вопросов современной истории, столь разнообразна, что одно их перечисление заняло бы немало места. Вяземский, говоря о нем как строгом судье современных событий, так аргументировал свою мысль:

Укажем в свидетельство тому на суждения его о революции, о теории и практике, о движении и застое <...>. Все глубокомысленно обду-

¹ С 8. Т. 6. С. 404.

² Там же. С. 403.

³ ПСС. Т. 10. С. 24.

мано и все живо и своенравно выражено. А суждения его о Петре Великом? Мысли его о Петербурге и Москве в сопоставлении с Константинополем? Мечтания его, *pià desideria* [благие намерения – лат.], о Иерусалиме и окончательном освобождении Гроба Господня без новых крестовых походов. Без кровопролития, без ужасов редко предвидимых, но всегда пагубных случайностей войны?¹

Все это сказано по поводу писем поэта к великому князю Константину Николаевичу. Спектр историсофских размышлений и современных вопросов в письмах к цесаревичу еще разнообразнее, и нет необходимости даже их перечислять.

Но, пожалуй, необходимо сказать об одной проблеме, которая особенно волновала Жуковского в последние годы и получила отражение почти во всех письмах к царственным особам. Это события европейской революции 1848 г., их причины и последствия. Очевидец революции в Германии, близкий друг и защитник известного политического деятеля, сторонника объединения Германии Йозефа Радовица, адресат прусского короля Фридриха Вильгельма IV, он в письмах к царственным особам, особенно к наследнику, поднял круг острых вопросов, касающихся современного мироустройства и судьбы России.

И хотя формально Жуковский уже не был связан с царским двором официальной деятельностью, он по-прежнему оставался наставником для великих князей и собеседником всех его обитателей. Его письма о революционных событиях 1848 г. – органичная часть его публицистики. В таких статьях, как «Письмо к графу Ш-ку о происшествиях 1848 г.», «Письмо к кн. Вяземскому по поводу стихотворения “Святая Русь”», «Самоотвержение власти», «Энтузиазм и энтузиасты», «Что будет?», «О смертной казни», «Русская и английская политика», «Иосиф Радовиц», «По поводу нападок немецкой прессы на Россию», многие из которых были опубликованы в немецких периодических изданиях, он поставил острейшие проблемы современной общественной жизни. Но зерна этих статей прорастали в письмах к царственным особам. По своему содержанию, характеру изложения материала, общему пафосу – это письма-трактаты, письма-предупреждения.

Уже первое письмо 1848 г. к великому князю, написанное в пять присестов (январь, 17/29 февраля, 1, 5 и 6 марта), – поистине хро-

¹ РА. 1867. Стб. 1386–1387.

ника революционных событий. Первая его часть – оценка деятельности теперешних реформаторов и рассуждение об активизации пролетариата. Вторая – о масштабах революционного движения в Европе и будущей судьбе России. Третья – о ситуации в Германии и спасительной роли внутреннего союза между ее отдельными государствами. Четвертая – распространение пожара революции по всем областям Германии и сакраментальный вопрос: «А наша святая Россия?» Наконец, пятая глава этой эпистолярной эпопеи – рассуждение о мерах по спасению Германии и о силе противостояния России революционной заразе, выразившееся в восклицании: «А наша святая Россия!».

За этим пятиглавым письмом последуют еще девять писем-трактатов, где изложение революционных событий будет сопровождаться серьезным аналитическим взглядом на историю революций в Европе, на идею Германского союза и просчеты прусского короля. Но пафосом всех этих эпистолярных размышлений-исследований будет мысль о нравственном смысле истории, ее религиозном подтексте и миссии святой Руси, ее патриархального самодержавия в спасении духовных ценностей человечества.

Одним из первых в русской общественной мысли Жуковский обратил особое внимание на опасность исключения из понятия «народ» высшего и среднего класса, следования доктрине новейшей философии: *la propriété c'est le vol* (собственность – кража). «Толпа пролетариев, которым нужно иметь *чужое*, дабы иметь что-нибудь *свое*»¹ – так Жуковский формулирует новую социальную реалию современной истории, ведущую к разрушению не только порядка, но и нравственных основ государственного бытия. Эта опасность пролетаризации общества обостряет в рассуждениях Жуковского проблему крепостного права в России. «У нас еще нет пролетариев, – пишет он в заключительном фрагменте письма, – есть *искусственные* пролетарии; но правительство, которое само произвело их, может легко их уничтожить»². Очевидно, что «искусственные пролетарии» в лексиконе автора письма – это крепостные крестьяне, и Жуковский акцентирует в этом процессе пролетаризации русского общества роль правительства. Показательно, что именно в 1848 г. Николай I образует Комитет по выкупу крепостных крестьян, но все-таки не

¹ С 8. Т. 6. С. 539.

² Там же. С. 545.

решается на радикальные меры по освобождению крестьян. Голос Жуковского не был услышан нынешним правительством, но он не мог не проникнуть в сознание наследника престола.

В своих эпистолярных трактатах Жуковский выступает как серьезный аналитик происходящих событий, но главный пафос его разговора с великими князьями – утверждение самобытного пути России. Не идеализируя российскую историю, подчеркивая «наше неразвитие», то есть отсутствие «всеобъемлющей образованности», Жуковский говорит о необходимости сохранения «основных начал» для достижения как истинной образованности, так и благоденствия.

«Для нее, – пишет он в заключение своего послания к наследнику от 4 (16) июня 1848 г., – к тому два средства: с одной стороны *развитие церкви*, с другой – *развитие самодержавия*»¹.

Консерватизм Жуковского-историка и публициста не подлежит сомнению. Но это был своеобразный консерватизм, можно даже сказать революционный. Опираясь на европейский опыт революций, он формировал образ святой России, православной и самодержавной, но настойчиво подчеркивал *развитие* как церкви, так и самодержавия. Это развитие включало в себя столь необходимые реформы, связанные с образованием общества, отменой крепостного права, амнистией декабристов, освобождением от религиозной догматики. И то, что эти свои идеи он развивал в письмах к будущим реформаторам – великим князьям Александру и Константину Николаевичам, заслуживает самого пристального внимания и исследования.

3

Разумеется, определение Жуковского как историка и идеолога николаевского царствования не лишено оснований. Он, по справедливому замечанию исследователя, в декабре 1825 г. «выбрал роль архитектора николаевского царствования, которая состояла из двух амплуа, так сказать, “внутреннего” (наставника царя) и “внешнего” (идеолога)»². Но не менее значима была культуртрегерская деятельность поэта. Он последовательно и целенаправленно формировал в русском общественном сознании не только идеи романтизма, но и, будучи «гением перевода», стал основоположником теории диалога

¹ С 8. Т. 6. С. 557.

² Гузайров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. С. 24.

культур. Его «всемирная отзывчивость», получившая развитие в творческой деятельности Пушкина, во многом нашла реальное воплощение в письмах к царственным особам. Он приучал их вслушиваться и всматриваться в мир других культур, ценить искусство как «сокровище здешней жизни». В этом отношении любопытен один эпизод из переписки с великим князем Константином Николаевичем. В письме от 5 (17) сентября 1841 г., комментируя слова четырнадцатилетнего отрока: «но я не судья по этой части», сказанные во время посещения картинной галереи в Гааге и осмотра картин Рембрандта, Жуковский со всей страстью наставника и друга произносит следующую тираду:

Изящные искусства украшают жизнь; чувство изящного есть одно из высоких качеств души человеческой; без этого чувства человек глух, нем и слеп посреди великого Божия мира, где в прекрасном выражается Бог, недоступный уму, но ведомый сердцу. Не говорите же, когда дело идет об искусстве: *я не судья по этой части*. Не пренебрегайте тем, что облагораживает душу. Оно нужно вам, как человеку, нужно как царскому сыну, который с своего высокого места, сам доступный любви к прекрасному, должен своим влиянием разливать сию любовь и посреди того общества, на которое Бог определил ему иметь обширное влияние»¹.

Этот пассаж – продолжение и развитие общей философии эстетического воспитания всей царской семьи.

Истоки этой культуртрегерской деятельности Жуковского лежат уже в самом начале его придворной жизни. В конце 1817 г. он становится учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны (прусской принцессы Шарлотты), а в 1820–1821 гг. совершает в ее свите свое первое заграничное путешествие. Итогом его становятся письма-отчеты, адресованные великой княгине. В течение почти полугода (с мая по ноябрь 1821 г.) он создает цикл писем, которые можно без преувеличения назвать эстетическими манифестами поэта. Не случайно отрывки из них, опубликованные на страницах альманаха «Полярная звезда» и журнала «Московский телеграф» под заглавиями «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Рафаэлева мадонна», «Отрывок из письма о Саксонии», получили в русском культурном сознании именно такой статус. А впечатление от встречи в Дрезденской галерее с картиной Рафаэля:

¹ С 7. Т. 6. С. 351.

<...> потом ясно начал чувствовать, что душа распространялась, какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. *Гений чистой красоты* был с нею...¹ –

способствовало включению в эстетический лексикон эпохи понятий «душа распространялась» и «Гений чистой красоты».

В письмах к царственным особам (нельзя забывать, что послания Жуковского вместе с великой княгиней читал и великий князь, который выступал в роли «переводчика») Жуковский формирует мирообраз романтической культуры. Природа, живопись и поэзия, театр и музыка, достопримечательности, встречи с известными деятелями немецкой культуры (Гете, художник К.Д. Фридрих и скульптор И.Г. Даннекер, писатели Л. Тик и Жан Поль, издатели и коллекционеры живописи – братья Буассере) – все это становится объектом рефлексии автора писем. Его отчет превращается в летопись художественной жизни эпохи и в живописное полотно пейзажных зарисовок величественной природы «туманной Германии», горной Саксонской Швейцарии. Это не просто путешествие по конкретным местам, это прежде всего путешествие души, своеобразный травелог возвышения, распространения души при встрече с невыразимым. Сама философия невыразимого формируется в процессе описания романтической природы.

Как изобразить чувство нечаянности, великолепия, неизмеримость дали, множество гор, которые вдруг открылись глазам, как голубые океаневшие волны моря, свет солнца и небо с бесчисленными облаками, которые наводили огромные подвижные тени на горы, поля, воды, деревни и замки, пестревшие перед глазами с удивительною прелестью!» –

восклицает поэт, рассказывая в письме от 17 июня о «несравненном виде с Basteu», и резюмирует:

Каждый из этих предметов можно назвать *особенным* словом; но то впечатление, которое все они *вместе* на душе производят – для него нет выражения; тут молчит язык человека, и ясно чувствуешь, что прелесть природы – в ее невыразимости².

Слово найдено, и эстетическое понятие, с ним связанное, определяет ядро романтической эстетики как самого Жуковского, так и

¹ ПССиП. Т. 12. С. 343.

² Там же. С. 175.

его современников и последователей. Для царственных же особ отчеты Жуковского из путешествия 1821 г. тоже не прошли бесследно. Их интерес к европейской культуре, собирание Эрмитажной коллекции живописи, круг чтения во многом следствие раннего расширения души¹ под влиянием их эстетического наставника. Он был для них поистине «посол души, внимаемый душой».

Младшее поколение царской семьи, включающее прежде всего великих князей Александра и Константина Николаевичей, а также великую княгиню Марию Николаевну, ставшую впоследствии президентом Академии художеств и председателем Общества поощрения художеств, прошло школу эстетического воспитания Жуковского. В письмах к ним он прежде всего заботится о развитии их художественного вкуса и о внимательном отношении к искусству и его творцам. Показательно в этом плане его письмо великой княжне Марии Николаевне от 24 июня 1838 г. из Копенгагена. Адресованное девятнадцатилетней девушке, оно свидетельствует о серьезности намерений Жуковского по воспитанию ее уже очевидных в то время художественных способностей. Замысел вести особый журнал своего путешествия для Ее Высочества – опыт разговора о жизни и искусстве. Первая часть письма, позднее превратившаяся в статью под заглавием «Очерки Швеции», – едва ли не первая в русской словесной культуре зарисовка быта, нравов, пейзажей экзотической скандинавской страны. Учитывая возраст адресата, Жуковский стремится к предельной живописности своих зарисовок, использует элементы детективного и триллерного нарратива при рассказе о замке Грипсгольм. Оборвав повествование на самом интересном и таинственном эпизоде ночного приключения в замке, он заинтриговывает свою читательницу и обещает досказать эту историю. Неизвестно, последовало ли продолжение, но письмо превратилось в увлекательное чтение. Особый интерес представляет второй сюжет письма, связанный с живописью. В рассказе о посещении вместе с великой княжной Александрой Николаевной картинных галерей Берлина Жуковский немногословен, он лишь констатирует, что «живопись в Германии идет *своею* дорогою вперед – и идет широкими шагами»². Но вслед за этим «с чувством национальной

¹ См. об этом: *Ребеккини Дамиано*. Эстетические вкусы императора Николая I: итальянская и немецкая живопись // *Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.* Томск, 2009. С. 325–355 – с подробной библиографией по этой теме.

² С 8. Т. 6. С. 607.

гордости» он подробно говорит о творческом гении Карла Брюллова. Раскрывая своеобразие его художественного дара, Жуковский успеваает сказать и о необходимости свободы для его реализации. Он решительно заявляет:

Художнику нужна полная свобода творить что, как, где и когда хочет. Покровителям художника и друзьям искусства надобно только давать способ воспользоваться этою свободою¹.

Затем Жуковский развивает концепцию Зимнего дворца как своеобразного Ватикана, отводя особую роль в создании русского храма искусства именно Брюллову, о котором говорит:

Пускай он составит план этой великолепной живописной поэмы, которой содержание – Россия от начала ее до воцарения Петра².

Этот грандиозный по своим масштабам проект, разумеется, был адресован императору, а девятнадцатилетняя его дочь, как это нередко бывало, должна была стать ретранслятором идей и замыслов поэта.

Характер эстетической проблематики и круг проблем, связанных с искусством, в письмах Жуковского к царственным особам самый разнообразный. Это и размышления о современном искусстве, и портреты его представителей, характеристика отдельных произведений и целых направлений художественного развития. Особое место в этом эпистолярном разговоре занимает история работы самого поэта над переводом «Одиссеи». Оторванный в силу обстоятельств в 1840-е гг. от России, он ищет собеседников и сочувственников. Молодые великие князья, особенно Константин Николаевич, которому был посвящен перевод, вполне справляются с этой ролью. В письме к последнему от 19 (31) октября 1849 г. Жуковский замечает:

Вот почему при чтении вашего милого письма, я так обрадовался вашей доступности поэтическому вдохновению, обрадовался не потому, что вы *хвалили мой перевод*, а потому, что *таким языком* говорили мне о самом Гомере. Берегите это пламя души³.

¹ С 8. Т. 6. С. 609.

² Там же. С. 610.

³ С 7. Т. 6. С. 371.

В письмах эстетической проблематики очень важна филантропическая составная. Не обращаясь непосредственно к императору, Жуковский через своих воспитанников и через императрицу помогает бедным художникам, нуждающимся писателям. Показательны в этом отношении просьбы о материальной помощи художникам Г. Рейтерну, А. Кларе, К.Д. Фридриху, писателям Н.В. Гоголю, И.И. Козлову. Одним словом, процесс возвышения душ и их «распространения» для новых впечатлений и добрых дел был последовательным и целенаправленным. От писем-отчетов о первом заграничном путешествии 1820 г. до размышлений о Гомере и современной поэзии, о переводе «Одиссеи» в конце 1840-х гг. пролегла целая эпоха диалога поэта с царственными особами. Это была эпоха творческого и человеческого развития как самого Жуковского, так и формирования нового поколения русской власти. Не идеализируя характер этого диалога, можно все-таки с уверенностью сказать: Жуковский был услышан царским двором.

4

Письма Жуковского к царственным особам – это еще и замечательный образец «политической педагогики». В последнее время этот аспект его творческой деятельности, пожалуй, оказался особенно востребованным. Исследования С.О. Шмидта, Л.Н. Киселевой, Р.В. Иезуитовой, И.Г. Локотниковой, Т. Гузаирова воссоздают своеобразное педагогическое изображение деятельности поэта, его «подвиг наставничества», раскрывают характер его взаимоотношений с царским семейством. Как справедливо замечает С.О. Шмидт: «Лишенные знаний о Жуковском – наставнике наследника престола – в будущем императора Александра II, о Жуковском-придворном, мы обедняем представление и о многообразии взаимоотношений Пушкина и Жуковского, и о личности самого Жуковского, и роли его в общественно-политической жизни той поры, и о Жуковском-философе (моралисте и политологе), и уж подавно о его месте в развитии педагогической мысли»¹.

Письма поэта к царственным особам и в этом отношении источник первостепенной важности. Именно в них он последовательно

¹ Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 255.

развивает основные принципы «политической педагогики», вырабатывает стратегию обучения и воспитания будущих представителей высшей власти. К своей миссии наставника великого князя Александра Николаевича он относился не просто серьезно; по существу, он посвятил этому делу всю свою жизнь, возможно, «наступая на горло собственной песне». Его встречи и беседы со своими предшественниками по «высокой должности»: Ц. Лагарпом, воспитателем Александра I, Фридрихом Ансильоном, воспитателем прусского кронпринца, будущего короля Фридриха Вильгельма IV, чтение сочинений Фенелона, Энгеля, Арндта, создавших образцы «Зерцал для князей», штудирование произведений великих педагогов и посещение школ, работающих по методу Песталоцци и Фелленберга, огромная работа по составлению исторических таблиц, обзрений, начертаний¹, формированию библиотеки наследника² – за всем этим вырисовывается определенная мировоззренческая позиция. В письме к императрице Жуковский так сформулировал основные положения своей педагогической программы:

Чтобы преподавать цесаревичу науку, недостаточно быть только ученым. Следует быть ученым в науке человечества с точки зрения всех времен и в особенности настоящей эпохи, наблюдать его во всех положениях, испытать борьбу человеческих страстей, в особенности на поприще политическом, где они в наш век бывают так сложны и так бурны; следует пройти этот курс не по книгам, но по событиям, и выработать из этих практических наблюдений нравственные правила...³

Эти положения он конкретизировал в письмах к великим князьям. Одним из важнейших дидактических принципов этой программы было формирование стиля общения, прежде всего эпистолярного. Главным условием ее реализации была регулярная переписка, предписанная каждому из воспитанников. Первое письмо Жуковского к великому князю Константину Николаевичу от 14 ноября 1840 г. посвящено именно этому вопросу. Опираясь на известное изречение Бюффона «Слог есть человек», Жуковский подробно говорит об искусстве письма:

¹ Так, например, в составе его библиотеки (собрание Научной библиотеки Томского университета) сохранилась большая коллекция учебных конспектов, включающих «Хронологические таблицы...», «Начертания...», «Обозрения...», «Лекции...» по различным отраслям наук. См.: *Библиотека В.А. Жуковского: (Описание)*. № 475–499.

² Подробнее см. статью Дамиано Ребеккини в наст. изд.

³ С 7. Т. 6. С. 280–281. На фр. яз.

Это искусство можете вы мало-помалу приобрести от навыка. Но прежде всего будьте человеком, имейте ясные мысли, высокие чувства, теплоту сердца и любовь к правде, тогда ваш слог будет выражением прекрасного; и тот, кто будет вас читать, догадается, что он беседует с великим князем, достойным своего имени и звания¹.

В письмах к цесаревичу эти мысли о культуре эпистолярного общения являются лейтмотивными. Жуковский становится редактором писем своих воспитанников. «Критику грамматическую и логическую этого письма я сделаю вам лично»², – сообщает он Константиону Николаевичу. Любопытно, что обнаруженные в архиве три письма Жуковского к великому князю Михаилу Николаевичу от 28 декабря 1841 г. (адресату в это время было всего 9 лет), 7 (19) ноября 1842 г. и 15 (27) октября 1852 г. были написаны в ответ на его письма и были отражением завязавшейся переписки³. Не занимаясь непосредственно его обучением, Жуковский продолжает свою воспитательную деятельность, формируя душу ребенка. Он предлагает ему контролировать свои поступки и через год отчитаться следующими словами: «...в этот год я утвердился в добрых качествах, исправил некоторые дурные, и хорошо воспользовался своим временем». И добавляет: «Прошу вас в конце декабря 1842 написать мне эти три фразы, спросясь с своею совестью»⁴.

Переписка давала возможность Жуковскому следить за развитием его царственных учеников. Каждый этап их умственного и духовного формирования он не просто фиксировал, но и осмыслял, предлагая своему адресату всмотреться в прошлую жизнь и наметить новые ориентиры. Он пишет 1 января 1833 г. 15-летнему цесаревичу:

До сих пор ваша жизнь имела характер младенческой *беспечности*; она была не иное что как веселое счастье в настоящем, без всякой заботы о прошедшем и будущем. Хотя и часто слышали вы от меня о великом знаменовании этого будущего, но по своим летам вы еще не могли совершенно постигать этого знаменования. Теперь же оно должно быть для вас понятно. Ваша жизнь получает иной характер, характер надежды⁵.

¹ С 7. Т. 6. С. 342.

² Там же.

³ См. их публикацию в наст. изд.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 649. Оп. 1. № 327. Л. 2. См.: Приложение.

⁵ С 8. Т. 6. С. 388–389.

В письме от 28 декабря 1841 г. он говорит великому князю Константину Николаевичу:

Вам 14 лет; вы уже на пороге деятельной молодости <...> На 15 году и во всяком звании можно думать о расчетливом, экономическом употреблении минут и часов, обращающихся так быстро в годы; а в вашем звании, в звании великого князя, эта расчетливость становится строгою должностью. Вы обязаны скорее других сделаться зрелым человеком...¹

Все новогодние послания Жуковского-Ментора (а этот образ не случайно появляется в переписке как символ мудрого учителя и наставника) пронизаны настроением светлых воспоминаний, сердечных признаний, но и размышлениями о быстротекущем времени, необходимости беречь его и умело употреблять.

Пафос всех этих размышлений и нерв педагогической системы Жуковского – воспитание души. Вслед за поэтом (если бы это не было сказано значительно позже) он мог бы сказать:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!²

Как и в поэзии Жуковского, слово «душа» обретает в его письмах к великим князьям значение концепта³. О чем бы он ни говорил, он всегда подчеркивает необходимость заботиться о воспитании души. Концепция возвышения души для него связана с высокими чувствами («душа требует поэзии и веры») и опирается на философию духовной лестницы. Он пишет великому князю Константину Николаевичу:

Наша дорога есть лестница; кто взошел на одну ступень, если он не слеп и не безумен, узнает только то, что он еще не дошел, и что ему следует подыматься, а не считать себя на высоте. Добрый вам путь на высоту⁴.

¹ С 7. Т. 6. С. 354.

² *Заболоцкий Н.А.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. С. 177 (Большая серия «Библиотеки поэта»).

³ Об этом подробнее см.: *Янушкевич А.С.* Слово и образ в лирике В.А. Жуковского 1815–1824 гг. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 2007. Вып. 10. С. 208–219.

⁴ С 7. Т. 6. С. 374.

По мере взросления воспитанников меняется материал для рефлексии. Проблемы общественного бытия и истории, искусства, семейной жизни (любопытно, что 58-летний поэт и 22-летний цесаревич почти одновременно стали мужьями, а затем и отцами) выдвигаются в центр переписки. К сожалению, мы почти не знаем ответных писем царственных особ, но то, что основные идеи «политической педагогики» Жуковского были ими восприняты, не подлежит сомнению. Тому свидетельство – их последующая реформаторская деятельность, в которой император Александр II и великий князь Константин Николаевич были единомышленники.

5

Трудно найти среди мемуаристов, писавших о Жуковском, хоть одного, кто бы не был ему обязан моральной и материальной поддержкой, заступничеством перед сильными мира сего в драматических обстоятельствах жизни, ободрением в начале литературного поприща. Вероятно, ни один из русских писателей ни до, ни после Жуковского не отзывался на такое количество просьб о помощи, протекции, об устройстве на службу, о назначении пенсии, об облегчении участи и т.д. Одно перечисление имен тех, кому помог поэт, заняло бы не менее страницы. Его благодеяния перечислить просто невозможно: с того момента, как он получил доступ ко двору в качестве официального лица, вся его жизнь была полна ежедневными хлопотами по осуществлению разного рода прошений.

Конечно же, не только официальное положение Жуковского при дворе было причиной все возрастающего количества просьб о помощи: он действительно больше других имел возможность сделать что-то реальное. Но наличие возможностей не есть еще гарантия их использования во благо других. Главная причина репутации Жуковского как всеобщего заступника, «ангела-хранителя русской культуры» – свойство его натуры, доброта и обостренное чувство справедливости, которые и были основной гарантией внимания к просителю и действия во исполнение просьбы. Дневники поэта свидетельствуют, что нередко он добивался результата во время встреч и разговора с императором и императрицей, но чаще это было эпистолярное общение, так как оно помогало обосновать свою позицию, быть раскованнее в ее изложении.

В этом смысле наиболее репрезентативны письма Жуковского к наследнику, великому князю Александру Николаевичу. Вот лишь

три примера: просьбы-ходатайства за ученого-физика Б.С. Якоби, писателя Н.В. Гоголя, художника К.Д. Фридриха. Они относятся к 1836–1840 гг., когда Жуковский еще был наставником наследника и определял его поведенческую стратегию.

Первое письмо – не просто рассказ об открытии дерптского профессора в области электромагнетизма: изобретении электродвигателя, но и, как убедительно показала публикатор письма Л.Н. Киселева, – целая программа для великого князя. Это и «соображения национальной гордости – чести России, ее первенства в ряду других держав», и аргументы, связанные «с миссией великого князя, как видит ее наставник», и апелляция к царскому имени для определения «роли царя и своей собственной в затеваемом им деле»¹. Сам тон письма – не просительный, а требовательный:

И так, дайте от себя ту сумму, которая нужна Якоби для произведения первого опыта решительного. <...> Не медлите и дайте этому делу ход поскорее.

И далее, уже полагаясь на царскую милость, добавляет:

Хорошо бы было даже если бы <...> была определена ежегодная сумма на делание опытов².

Через все письмо проходит мысль о необходимости для молодого великого князя, наследника престола готовиться постоянно к своей миссии, совершать добрые дела во имя Отечества. Моральная поддержка и материальная помощь тем, кто определяет технический прогресс, развитие духовной культуры, в этом отношении имеют первостепенное значение. Наставник последовательно и настойчиво приучает своего царственного ученика не проходить мимо таких явлений.

Второе письмо от января 1840 г., с просьбой о представлении ссуды в 4000 рублей для материальной помощи Гоголю, имело свою предысторию. 13 января 1840 г. Жуковский обратился с прошением к императору об увеличении пенсии учителям наследника, выходящим в отставку после завершения своей деятельности, но получил отказ. Около 16 января Жуковский в письме рассказывает об этом великому князю, выражая свое огорчение, неудовольствие реакцией

¹ Киселева Л. «Сердцем и мыслию верный вам Жуковский» // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 82–83.

² Там же. С. 80–81.

монарха, который «не сделал никакого ответа», «при встрече со мною не благоволил сказать мне ни одного слова», «я должен был узнать от других и при других, что просьба моя не дельная»¹. И вслед за этим обращается к адресату с просьбой о помощи барону Розену, одному из учителей и секретарей наследника, так как у него «теперь только 400 рублей годового пенсионера». «Этого достаточно, – добавляет Жуковский, – чтобы в первую треть года не умереть с голода»². И в конце письма возникает просьба о ссуде для Гоголя, который находится «в самом стесненном положении». Как явствует из следующего письма от конца января, великий князь не только помог Розену, но и вызвался дать в подарок Гоголю 2000 рублей. Жуковский решительно отказывается от этого, благодарит своего ученика «за доброе намерение, которое само по себе есть уже богатый подарок, мне сделанный»³ и просит о ссуде в 4000 рублей. Как известно, вскоре Гоголь получил эту сумму. Сам факт щедрости великого князя на фоне огорчительных для Жуковского действий императора в отношении учителей представляется любопытным. Двадцатидвухлетний наследник продемонстрировал свою позицию как по отношению к Е.Ф. Розену, долгое время служившему лично при нем, так и к писателю, который уже был известен в России и как писатель, и как драматург, автор «скандальной» комедии «Ревизор». Возможно, сыграл свою роль и факт дружбы Гоголя с Иосифом Виельгорским, соучеником цесаревича, совсем недавно безвременно умершим в Риме.

Третье письмо – просьба о помощи известному немецкому художнику-романтику Каспару Давиду Фридриху. Это был любимый художник императрицы, и его произведения украшали императорские резиденции⁴. Известно, что картина «Мечтатель (Руины Эйбинского аббатства)», которая была приобретена после 1835 г., украшала кабинет наследника, в Аничковском дворце⁵. В это время художник был тяжело болен и находился в нищете, поэтому Жу-

¹ С 8. Т. 6. С. 411.

² Там же.

³ Там же. С. 412.

⁴ Подробнее см.: *Ребеккини Дамиано*. Указ. соч. С. 330–331.

⁵ См.: German art for Russian Imperial Palaces. 1800–1850 / ed. by B. Asvarishch. London, 2002. P. 73–74. В настоящее время рисунок находится в коллекции Государственного Эрмитажа. Есть основания полагать, что он был приобретен именно в 1840 г. (см. примеч. 1).

ковский, обращаясь к Александру Николаевичу, напоминает ему слова, будто бы сказанные в 1820 г. императором, тогда еще великим князем Николаем Павловичем: «Фридрих, если будешь в нужде, дай мне знать, я тебе помогу», и добавляет: «Заступите теперь место государя и помогите ему»¹. В такой ситуации наследник престола должен был выступить и как наследник обещаний своего отца. Помощь была оказана (см. примеч. 66), и Жуковский не ожидал ничего другого от своего ученика.

Одним словом, филантропическая деятельность Жуковского была неразрывно связана с его «политической педагогикой». Он приучал своего ученика великого князя Александра Николаевича к благотворительности как гражданскому деянию. Ученые, художники, писатели получали из его рук не милостыню, а поддержку для своей высокой миссии на пользу Отечества. Это были уроки человечности и добра, а вместе с тем и составная часть общей концепции просвещенного монарха.

6

В течение 25 лет Жуковский жил рядом с царским семейством. Он был не только учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, наставником цесаревича, но по существу почти членом семейства, так как все праздники царственных особ были и его праздниками. Все его письма к ним пронизаны атмосферой теплых воспоминаний о Берлинском празднике «Лалла Рук» 1820 г., о дне рождения наследника, годовщине свадьбы императора и императрицы. Поздравления с Новым годом, с Рождеством и Пасхой носят не ритуальный, а глубоко интимный характер. Любовь

¹ С 8. Т. 6. С. 400–401. В этом издании письмо датировано приблизительно: [За границу. 1838–1839?]. Думается, опираясь на помету великого князя, сделанную в тексте письма: «Я с вами об этом поговорю» и относящуюся к словам Жуковского: «Позвольте мне именем вашим [если сами не найдете времени] взять у него не одну или две тысячи [рублей] рисунков и картин, что найдется» (Там же), а также на дневниковые записи от 19–20 марта 1840 г.: «К Фридриху: грустная развалина. Он плакал как дитя. <...> Выбор рисунков Фридриха для великого князя» (ПССиП. Т. 14. С. 195), можно предполагать: письмо было написано 19 марта 1840 г. Ср. дневниковую запись от 19 марта: «Письма к Орлову и великому князю и ответ на них, какого можно было ожидать» (Там же). Учитывая, что великий князь был рядом, оперативность ответа не кажется странной. В 1838–1839 гг. Жуковский не встречался с Фридрихом.

к нему его учеников была искренней. Вот лишь один пример – письмо совсем юной великой княжны Марии Николаевны:

Васька, мой милый Вася! Ангельчик мой! Хорошенький! Добрый малый! Постарайтесь наискорейшим образом по приложенной при сем бумаге удовлетворить просьбу нашего приятеля. Presto, presto. Мария¹.

И данное великим княжнам разрешение называть себя «Вася Кот» – свидетельство почти родственных отношений. Тем сложнее было найти тон и стиль общения, когда необходимо было решать бытовые вопросы, связанные с длительным пребыванием за границей для лечения и подготовки к занятиям, с материальным положением, со всякого рода конфликтными ситуациями.

14 октября 1828 г., в период наиболее сложных отношений с императором, вызванных «Запиской о Н.И. Тургеневе», ходатайством о Вяземском, обвинениями в либерализме, Жуковский записывает в дневнике:

За невнимание, за оскорбление негативное я не имею право покинуть своего места: я бы унизил понятие свое о моей возвышенной должности, если бы измерял ее по тем выгодам, которые были бы сопряжены с ее исполнением. Ее не продам никому. Но унижения сносить не должно. Не оказывая мне справедливости – возвышают меня перед другими. Оскорбляя мое лицо – унижают меня. Сего последнего позволять нельзя. Лишишься возможности исполнять с чувством свою должность и сей тяжкой жертвы приносить не имеешь права².

Жуковский в жизни был великим дипломатом. Он умел выходить из самых сложных ситуаций, не теряя при этом человеческого достоинства. Он приучил царственных особ слушать себя и умел слышать их. Редкий дар оставаться самим собой во всех ситуациях, мягкость и терпимость к человеческим слабостям и вместе с тем твердость и принципиальность в главном определили отношение к нему всех окружающих, в том числе и самого императора.

Если конец 1820-х гг. был для Жуковского временем обострения его отношений с императором в вопросах общественно-политического характера и в контексте литературной борьбы после декабря 1825 г., то самое начало 1840-х гг. ознаменовалось конфликтной си-

¹ РА. 1895. Кн. 2. С. 428.

² ПССиП. Т. 13. С. 306.

туацией в связи с решением материальных вопросов, вызванных завершением служебной деятельности, предстоящей женитьбой и отъездом за границу. Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу, императору и императрице от января – августа 1840 г. воссоздают драматическую эпопею устройства новой жизни. Сначала поэт зондирует почву, пытаясь через великого князя понять свои права и возможность обращения к императору (письмо от 13 января 1840 г.). Затем в письмах от 9 (21) июня и 1 (13) – 2 (14) июля, адресованных уже непосредственно Николаю I, он излагает планы будущей жизни и предлагает смету необходимого для семейной жизни жалования. Наконец, два письма к императрице, отправленные в течение одного дня, 8 августа н. ст., передают спектр его чувств и настроений. Первое письмо, «полное упреков»¹, – одно из самых драматических в переписке Жуковского с царственными особами. Не получив прямого ответа императора на свои предложения, услышав от великого князя скрытые намеки на корыстолюбие, почувствовав при встрече холодность императрицы², Жуковский в достаточно резкой форме передает ей свою реакцию на произошедшее:

Теперь – какой удар! Письмо великого князя, столь желанное, пришло, холодное и сухое; Император даровал мне двухмесячный отпуск, но не соблаговолил высказаться о моем будущем. Великий князь дает мне понять, что мои просьбы превысили меру, и эти слова, с которыми ему никогда не следовало бы обращаться ко мне (следствие заблуждения, как я полагаю, судя по всему тому, что я слышал от Вас), смешивают меня с толпой людей алчных, которые только и думают что о деньгах; наконец беседа с Вашим Величеством привела меня к убеждению, что и Вы, которая была моим якорем спасения в этом крушении моих заветных надежд, чье мнение было для меня равносильно голосу моей совести, кому всегда принадлежала вся моя душа, что и Вы тоже разделяете это мнение, столь несправедливое по отношению ко мне. Эту беседу Вы резко прервали, не кинув мне даже, как милостыню, ни одного утешительного слова, даже не подумав о том унынии и унижении,

¹ Дневниковая запись от 27 июня (8 июля) содержит еще одно печальное замечание поэта: «мог ли ждать, чтоб так кончилось» (ПССиП. Т. 14. С. 215).

² Ср. дневниковую запись от 26 июня (7 июля): «У императрицы. Разговор обо мне. Все неважно. Теперь начинается последняя половина или изнанка драмы. Ничто не удастся <...> Я не приготовился; она была утомлена; не было возможности и силы сказать. А что сказал, то до половины и без действия. Дурак, сам себе испортил. 1-е, надо было все сказать в 2 словах; просто не входя в подробности. Говорить холодно и просто...» (Там же).

в котором Вы покидали меня в самую решительную минуту моей жизни. А завтра Вы уезжаете...»¹

Последовавшая за этим встреча с императрицей, ее Engelgruss^{2*} вызвали к жизни второе письмо, снявшее напряжение последних дней. В конечном итоге Жуковский добился желаемого и получил необходимую материальную поддержку со стороны императора. Трудно сказать, что стояло за этим конфликтом: мнительность поэта, колебания императора, импульсивность великого князя, сказавшего то, что, возможно, не подлежало оглашению. Но так или иначе подобные ситуации будут возникать и позднее, когда Жуковский переселится за границу, обретет дом и семью. Рождение детей, хроническая болезнь жены, мысли о близкой смерти и о судьбе семейства, обвинения, связанные якобы с переходом в католическую веру, постоянные препятствия по возвращению в Россию – все это ставило перед ним новые проблемы и приводило к напряженным отношениям с царским двором.

Эпистолярные контакты с членами царского семейства не прекращались. Письма Жуковского к великим князьям Александру, Константину и Михаилу Николаевичам свидетельствуют о том, что его образ наставника, своеобразного Ментора жил в их сознании, а для поэта они были его вечными учениками и собеседниками. Именно с ними он делился своими радостями и горестями, обсуждал происходящие политические события, знакомил их со своими проектами обустройства России и творческими планами. Менее содержательной была переписка с императором и императрицей. Жуковский при любой возможности встречался с ними во время их заграничных вояжей, но в центре их разговоров была столь болезненная для поэта проблема возвращения в Россию. На протяжении 10 лет он под разными предлогами откладывал поездку и возвращение (сначала с семьей, а затем и в одиночестве) на родину. Как убедительно показал, опираясь на документальные источники, Тимур Гузаиров, только варшавская встреча поэта с императором в августе 1849 г. положила «конец семилетней истории выяснения

¹ Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб., 1907. Вып. 1. С. 68. Подлинник по-французски. Характерно, что в это время Жуковский пишет императрице в основном на русском языке.

² ПССиП. Т. 14. С. 215. * Ангельское приветствие (нем.).

отношений между поэтом и двором по вопросу пребывания русского за границей»¹.

Итак, подводя предварительные итоги разговора о письмах В.А. Жуковского к царственным особам, можно констатировать, что это уникальный текст русской словесной культуры и общественной мысли. Их проблематика, своеобразие позиции обеих сторон, поведенческий текст их автора – поэта, педагога-просветителя, оригинального мыслителя – благодатный материал для постановки целого комплекса проблем методологического характера.

¹ *Гузаиров Т.* Русский за границей (Жуковский: 1841–1849) // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 273.